

ЖАДНЫЙ МУЖИКЪ.

Въ одной деревнѣ жили два мужика. Одинъ былъ бѣдный, простой и добрый, другой—богатый, скупой и жадный. Неподалеку былъ прудъ. Пошелъ туда бѣдный мужикъ ставить плотъ, чтобы бабѣ было гдѣ бѣлье полоскать. Сталъ онъ плотъ рубить, выскочилъ у него топоръ изъ рукъ и бултыхъ въ воду. Мѣсто глубокое да еще тростникомъ да всякою дрянью поросло.

Сталъ мужикъ думать, какъ горю помочь. Пошелъ домой, притащилъ ведро, началъ воду изъ пруда черпать; думалъ онъ такъ: «всю воду вычерпаю, дно сухое останется, и топоръ на немъ виденъ будетъ». Черпалъ онъ, черпалъ, а воды ни прибываетъ, ни убываетъ.

Вдругъ изъ тростниковъ выскочилъ шутикъ. «Что тебѣ», говоритъ, «дядя, нужно?» — «Да вотъ горе какое: топоръ въ воду уронилъ, не знаю, какъ его добыть со дна». — «У! не тужи—я тебѣ его вразъ достану». Полѣзъ шутикъ опять въ воду, тащитъ топоръ, да еще какой—настоящій золотой. «Что, дядя, твой топоръ?» — «Нѣтъ, не мой», мужикъ ему говоритъ. Упрыгнулъ шутъ въ воду, тащитъ еще другой топоръ, да диковинный—цѣльнаго серебра, а топорыще разводами да травами выдѣлано, жемчугами да бирюзой выложено. «Твой, дядя?» — «Нѣтъ, не мой». Опять нырнулъ шутъ и вынырнулъ, несетъ третій топоръ—желѣзный и топорыще простое.

Положилъ на берегъ всѣ три топора и говоритъ: «Который твой—тотъ и бери» Мужикъ свой топоръ призналъ: «Вотъ этотъ, говоритъ, мой—желѣзный». — «Вѣрно ты сказалъ, бери свой топоръ, да и эти два въ придачу».

Вотъ разбогатѣлъ съ такого подарка бѣдный мужикъ, и сосѣди дивятся стали, съ чего это онъ такой вдругъ богатый сталъ.

Пришелъ къ нему богатый мужикъ и сталъ вывѣдывать, какъ онъ разбогатѣлъ. А тотъ ему безъ утайки—возьми да Расскажи. Захотѣлось богатому еще богаче сдѣлаться. Взялъ, собралъ онъ полный мѣшокъ денегъ мѣдныхъ, пошелъ къ пруду, думаетъ: «высыплю я ихъ въ прудъ, а шутъ мнѣ столько же золота и серебра подаритъ».

Всталъ онъ на плотъ, опрокинулъ мѣшокъ вверхъ дномъ, развязалъ, потрянулъ, и посыпались его денѣги въ воду. Стоитъ, ждетъ, у самого сердце замираетъ: ну какъ навралъ мнѣ сосѣдъ, тогда всѣ мои денѣги пропали. Вдругъ изъ тростниковъ вынырнула шутова морда. — «Чего ты, дядя, шутишь?» — «Бѣда стряслась: ненарокомъ денѣги обронилъ». — «Сейчасъ», говоритъ, «достану». Прыгнулъ въ воду, опять выпрыгнулъ, тащитъ денѣги—обѣ пригоршни полны, да все золотыми. — «Твои ли денѣги, дядя?» — Видитъ мужикъ, что не его, да ужъ очень къ денѣгамъ его потянуло. «Мои, мои,—давай скорѣе». — «Врешь, а чтобы тебѣ памятно было, что вратъ не годится, не видать тебѣ денегъ, какъ своихъ ушей, ни этихъ не получишь, ни тѣхъ, что изъ мѣшка высыпалъ». Сказалъ да и цоркнулъ въ воду.

Пошелъ жадный мужикъ домой съ пустыми руками—только денѣги свои зря потопилъ.

